

За полночь небо затянуло зыбкой дымкой. Лунный свет то угасал, то разгорался вновь, и на лице Цзянь Цзяня, чьи глаза лучились потусторонней ясностью, дрожали узорчатые тени от оконной решётки. Юноша явно не собирался засыпать.

— Почему не спишь? — Хуа Тянь повернулся на бок, перехватив его чистый, пытливый взгляд.

Он придвинулся ближе, так что их лица оказались почти вплотную, и его тёплое дыхание коснулось щеки юноши.

Цзянь Цзянь прикрыл ладонями слегка порозовевшие щёки и смущённо отвёл глаза, уходя от пристального взора Хуа Тяня.

— Ты ведь тоже не спишь, — прошептал он. — О чём думаешь?

— Думаю... — Хуа Тянь запнулся на мгновение, а затем тихо спросил: — Скажи, Цзянь Цзянь, если бы Сюй Байли согласился тогда отправиться в столицу на экзамены... всё сложилось бы иначе?

— Конечно. Юй Цзыи обязательно взял бы Сюй Байли в жёны, и они зажили бы в столице долго и счастливо.

В неверном лунном свете лицо юноши выражало такую непоколебимую уверенность, что Хуа Тяню на миг почудилось, будто в какой-то иной реальности те двое и впрямь обрели свой покой.

— Глупенький Сяо Цзяньцзянь, — мягко усмехнулся Хуа Тянь. — Юй Цзыи никак не смог бы взять Сюй Байли в жёны.

О браке между двумя мужчинами в этих краях никто отродясь не слыхивал.

— Почему же? Юй Цзыи любит Сюй Байли, а Сюй Байли любит его. Разве этого мало, чтобы быть вместе?

Цзянь Цзянь с малых лет рос у торговцев людьми и почти ничего не знал о законах и приличиях этого мира, не говоря уже о тонкостях человеческих чувств.

Хуа Тянь замешкался. Он и сам не знал, как объяснить подобные вещи и стоит ли вообще ломать детскую картину мира. Прищурившись, он бесстыдно скользнул рукой под одеяло, нащупывая пах юноши.

— Да потому, что у них обоих есть вот это.

Он ожидал, что Цзянь Цзянь возмутится или отпрянет, но тот лишь замер, доверчиво притихнув. Раз уж сопротивления не последовало, Хуа Тянь позволил себе погладить его сквозь тонкую ткань штанов.

«Да уж, совсем крошечный»

— Тебе так нравится? — вдруг тихо спросил Цзянь Цзянь.

— Что именно? — отозвался Хуа Тянь, всё ещё мысленно сопоставляя их размеры.

— Вот так, — Цзянь Цзянь перехватил запястье Хуа Тяня, намеревавшегося убрать ладонь, и вернул её на прежнее место.

Хуа Тянь лишился дара речи.

— Матушка говорила, что только так и можно угодить мужчине, — Цзянь Цзянь заглянул ему прямо в глаза, и на его губах заиграла на редкость соблазнительная улыбка.

Есть же на свете такие создания: одно движение ресниц, один полувздох — и у любого разумного человека земля уходит из-под ног.

Хуа Тянь поспешно прикрыл ладонью его сверкающие глаза. Атмосфера в постели накалилась до предела; одно неверное движение — и вспыхнет пожар. Особенно когда рядом лежит такое искушение, против которого не устоит ни один святой.

Испугавшись собственного порыва, Хуа Тянь резко отдернул руку и заговорил преувеличенно строгим, наставительным тоном:

— Это я виноват, не сдержался. И запомни на будущее: никогда, слышишь, никогда больше ни с кем так не делай!

— Тебе не нравится? Ты брезгуешь мной? — в глазах юноши тут же выступили слёзы, чистые и прозрачные, как горный ручей.

Хуа Тянь снова почувствовал, как кружится голова. К счастью, Цзянь Цзянь обиженно отвернулся к стене и принялся беззвучно всхлипывать, утираясь краем одеяла.

Чего Хуа Тянь терпеть не мог, так это чужих слёз. Сердце у него мгновенно сжалось и превратилось в бесформенный комок жалости.

Мучительно соображая, как бы помягче всё объяснить, чтобы и не обидеть глупыша, и уберечь

его от посягательств других похотливых мерзавцев, Хуа Тянь внезапно поймал себя на весьма своеобразной мысли.

Он силой развернул юношу к себе за плечи и, напустив на себя крайнюю серьёзность, произнёс:

— Сяо Цзяньцзянь, послушай меня внимательно. Трогать мужчину подобным образом можно только тогда, когда это твой самый любимый человек на свете. С чужими — ни в коем случае.

— Самый любимый? — Цзянь Цзянь захлопал ресницами, недоверчиво разглядывая Хуа Тяня, а потом бесхитростно выдал: — Но мой самый любимый человек — это ты.

Услышав столь чистосердечное признание, Хуа Тянь едва сдержал довольную усмешку.

— Вот и отлично, — наставительно кивнул он. — Значит, отныне тебе дозволено делать так только со мной. Понял? Больше ни с кем.

Цзянь Цзянь послушно кивнул:

— Я никогда ни с кем больше так не делал. Ты первый, кого я полюбил. И буду делать это только с тобой.

От этих слов у выдавшего виды Хуа Тяня уши запылали пунцовым пламенем. То ли у него самого мысли были слишком грязными, то ли этот мальчишка действительно был чист, как белый лист. Будь они оба столь невинны, в этой постели не осталось бы места для греховных фантазий. Но увы — старый пройдоха Хуа Тянь потерпел сокрушительное поражение перед святой простотой Цзянь Цзяня.

— И всё же слишком часто этим заниматься нельзя, — кашлянул Хуа Тянь. — Каждый раз сначала спрашивай у меня разрешения.

«Ладно, — подумал он, — такие вещи нужно объяснять постепенно, спешка тут ни к чему. А вот как именно объяснять — тут придётся изрядно попотеть»

Просвещать невинного юношу в делах плотских оказалось задачей поистине титанической.

Цзянь Цзянь кротко кивнул. Хуа Тянь ласково ущипнул его за щёку:

— Интересно, наступит ли день, когда ты хоть раз покачаешь головой и скажешь мне твердое «нет»?

— Я знаю, что ты желаешь мне только добра, — искренне ответил юноша. — Зачем же мне отказываться?

— Ах ты, маленький подлиза. Язык без костей. Ладно, засыпай давай.

— М-гу.

Яркие утренние лучи, пробивавшиеся сквозь решётку окна, настойчиво щекотали лицо Хуа Тяня. Он проснулся довольно давно, но упорно отказывался открывать глаза. Когда под боком сопит такое сокровище, глупо тратить благословенное утро на суету. Куда приятнее понежиться лишний часок в тёплой постели.

Невольно вспомнилась древняя притча о государе, который забросил все государственные дела ради ласк возлюбленной. Пусть его имя и очернили в веках, но за один лишь миг подобной нежности действительно можно отдать целое царство.

Увы, у «красавицы» под боком на этот счёт было совершенно иное мнение. Чьи-то бесцеремонные пальцы принялись настойчиво тыкать Хуа Тяня под рёбра.

— Ну что ещё? — сладко потянувшись, пробормотал Хуа Тянь.

Он нехотя разомкнул сонные веки, но вместо нежного юношеского лица наткнулся на нечто совершенно иное.

Прямо перед его носом красовалась небритая физиономия Чжун Ли. Сказать, что у того на лице было написано крайнее отвращение — значит ничего не сказать. Вид у него был такой, словно его только что насильно накормили дерьмом. Вся утренняя нега Хуа Тяня мгновенно испарилась, уступив место лютой ярости.

Всё-таки то, чью рожу ты видишь первым делом при пробуждении, решает судьбу всего дня.

— Ты какого хрена тут забыл?! — рывкнул Хуа Тянь, изо всех сил отпихивая Чжун Ли, чтобы не напороться носом на его жёсткую щетину.

— Господин, тут дело спешное, — обиженно забормотал Чжун Ли, шмыгая носом.

— Выкладывай давай, не тяни кота за хвост! — Хуа Тянь обрушил на подчинённого весь свой утренний гнев.

Жестокая реальность бесцеремонно ворвалась в мир грёз, и от этого контраста хотелось выть.

Хуа Тянь ткнул пальцем в заросший подбородок Чжун Ли и раздражённо процедил:

— И сбрей наконец эти заросли! Начисто сбрей, чтобы я этой мочалки больше не видел!

— Нельзя мне брить, господин.

— Это ещё почему?

— Без бороды я сразу всю солидность растеряю.

Хуа Тянь лишь беззвучно открыл и закрыл рот.

— Юй Цзыи сбежал, прихватив тело Сюй Байли, — не выдержав этого балагана, вмешался Лань Цзыцзюнь. — Ну и пофигисты же вы все, диву даюсь.

— Что?! — Хуа Тянь кубарем скатился с постели и, на ходу запахивая халат, ворвался в комнату Юй Цзыи.

Внутри действительно было пусто.

Вся троица неторопливо последовала за ним. Лань Цзыцзюнь снисходительно повёл бровью:

— И зачем, позволь спросить, нам его преследовать?

— Как зачем? Дело ведь ещё не закрыто! — для Хуа Тяня это было очевидно.

— Наша задача — поймать Ма Юэ и вызволить похищенные души, — Лань Цзыцзюнь по-хозяйски устроился за столом, налил себе вчерашнего, едва тёплого чаю и сделал неторопливый глоток.

— Я же ещё вчера вам талдычил: Ма Юэ, скорее всего, не убивал Сюй Байли! — Хуа Тянь всплеснул руками. Всё, о чём они спорили за ужином, коту под хвост.

— Зато душу покойного точно забрал он, тут доказательства железные, отпираться бессмысленно, — Лань Цзыцзюнь поднял на него бесстрастный взгляд. — Нас прислали разобраться с делом о пропавших душах. У Подземного царства нет ни времени, ни желания разгребать смертные дрязги, которые положено решать местной управе. Не суй нос куда не просят.

— Нам нужно лишь разрушить магическую формацию Ма Юэ и вернуть похищенные души Поместья Лю, — сухо добавил он.

— Так когда мы выдвигаемся за этим Ма Юэ? — вставил свои пять копеек Чжун Ли.

Ему тоже не терпелось поскорее покончить с этим затянувшимся расследованием. Проведя на службе в Дифу слишком много лет, призренные стражи привыкли презирать мирские законы и без крайней нужды в дела живых не вмешивались.

— А ведь кто-то вчера божился, что если убийцей окажется не Юй Цзыи, то он лично сожрёт кучу дерьма, — весело подмигнул Цзянь Цзянь, решив подлить масла в огонь.

Эта колкость мгновенно угодила в цель. Напомнив о позорном уговоре, юноша заставил Чжун Ли густо покраснеть. Великий герой поспешно прикусил язык и уставился в пол.

Хуа Тянь лишь мрачно промолчал. Развернувшись, он стремительным шагом вернулся в свою комнату и принялся лихорадочно рыться в сундуках, переворачивая всё вверх дном.

<http://bllate.org/book/18412/1796488>